

© 2000 г., ЭО, № 3

Д.А. Функ, А.П. Зенько, Л. Силланпяя

МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ УЙЛЬТА

Представляемые здесь материалы по северной группе *уйльта* – одного из коренных малочисленных народов Сахалина – собирались на территории Ногликского р-на в рабочем пос. Ноглики и в с. Вал с 17 по 29 октября 1999 г. по программе исследовательского проекта «Коренные малочисленные народы Севера и Сибири» (Александртери Институт, Университет Хельсинки)¹. По плану работ данного проекта осуществляется сбор материалов (в основном методом интервьюирования) у большей части народов, относимых в России к числу «коренных малочисленных народов Севера» (далее – КМНС). Выполнение работ по проекту началось в 1997 г. и рассчитано на 5 лет. Основные темы, по которым велся сбор материалов, следующие: биография интервьюируемого, традиционный образ жизни, экономическая ситуация в регионе, отношения с культурой большинства, знание своего языка, культуры, традиционной религии, политические проблемы народа. Как правило, обследованием охвачены населенные пункты с преобладающим числом лиц КМНС. Выборка в строгом смысле слова не является репрезентативной, хотя мы старались брать интервью и беседовать с максимально возможным числом взрослых жителей того или иного населенного пункта, с промысловиками, оленеводами, скотоводами, охотниками, бизнесменами, лидерами ассоциаций и прочими национальными лидерами, писателями, работниками музеев, преподавателями школ.

Выбор для обследования среди прочих народов *уйльта* не был случайным: противоречивость данных о численности народа, его самоназвании и официальном учете, практически полное отсутствие специальных работ о социальной организации, семейной обрядности, духовной культуре, народным знаниям, фольклору, абсолютная неисследованность всех сторон жизни *уйльта* по состоянию на конец 1990-х годов, все эти факторы послужили причиной экспедиционного выезда.

Информаторы

Беседы, как правило в виде интервью, велись более чем с двумя десятками взрослых людей, а также с несколькими детьми и подростками. Нам не удалось пообщаться лишь с несколькими мужчинами *уйльта* с. Вал по причине их отсутствия в поселке во время нашего там пребывания (часть мужчин была на охоте или на рыбалке, а часть занята выпасом домашних оленей; трехдневные попытки нескольких мужчин *уйльта* найти оленеводов в тайге закончились безрезультатно), а также с двумя признанными знатоками языка и фольклора *уйльта* – Е.А. Бибиковой и И.Я. Федяевой, находившимися на курсах повышения квалификации в Южно-Сахалинске. Тем не менее мы получили довольно полное представление о хозяйстве, степени сохранности традиционных промыслов и ремесел, традиционных и современных предметов одежды, о современной погребальной обрядности, об употреблении и

отношении к языку уйльта, о современных формах и проблемах землепользования и пр. Ниже более или менее подробно освещаются некоторые сюжеты, касающиеся современных социально-экономических проблем, состояния традиционной культуры и языка уйльта.

Самоназвание и официальные «этнонимы»

Уйльта² – один из коренных малочисленных народов Севера, проживающих на Сахалине двумя достаточно компактными группами: северной, в с. Вал Ногликского р-на, где проводилась наша работа, и южной – в г. Поронайске и Поронайском р-не. Самоназвание народа – *уйльта* (*ульта*). Эвенки их называют *ульчан* (*ультаян*), русские – *орочёны*. «Ульта» по паспорту в с. Вал лишь 1 чел. Практически все уйльта записаны в паспортах и похозяйственных книгах как «орочёны». Подавляющее большинство опрошенных считают термин «орочён» неточным, и лишь единицы уйльта старшего поколения воспринимают его как собственно самоназвание: «би орочён» – «я – орочёнка» (З.Ф. Алексеевко). Чаше люди рассуждают примерно так: «По паспорту я орочёнка. Русские как хотят, так и пишут: в одном свидетельстве о рождении у ребенка я написана орок, в другом – орочёнка. Мы вообще – уйльта. Нам сказали, так трудно выговаривать, будете "ороками". Что ж, нас мало, мы подчиняемся» (Л.Н. Конусова). «Я орочёнка, а дети мои ороки записаны. Уйльта у нас только Федяева записана. Мы тут на похоронах с женщинами говорили. Они говорят: "Да зачем нам это надо [уйльта записываться]?" А я им говорю, так и будем всю жизнь неизвестно кто, как русские нам скажут, так и будем записываться» (Ж.А. Мирнова).

Любопытно, что уже сейчас даже пожилые уйльта говорят (правда, сказанное зафиксировано нами лишь однажды): «Лет 5 назад взяли и изменили на "уйльта". Это когда Бибикова сюда переехала. Она где-то там вычитала. А так всю жизнь орочёнами были». Е.А. Бибикова хотя и местная, но действительно «переехавшая» в с. Вал из Катангли, где она работала учительницей. Непостоянное проживание ее в селе, возможно, и вызвало скептическое отношение женщины, прожившей здесь всю жизнь. Это высказывание удивительно похоже на услышанную однажды Е.П. Батьиной от бачатских телеутов, в Южной Сибири, сентенцию одного из пожилых людей: «Это Горбачев придумал всех нас татар телеутами записать»³. И это после многолетней, чуть ли не всенародной борьбы телеутов за право быть записанными в паспортах именно телеутами, а не кем-либо еще!

Этническое самосознание не только ситуативно, гибко, но, очевидно, еще и не едино и не может в принципе быть единым у народа в целом, сколь бы малочислен он ни был. Именно поэтому знание различных, даже диаметрально противоположных и, на чей-то взгляд, «неправильно» мотивированных мнений представляет особый интерес для этнологических исследований.

Еще один вариант восприятия этнонимов у молодого поколения, не говорящего ни на каком ином языке, кроме русского: «Уйльта – это те, которые знают язык орочёнский, а орочёны – это те, которые не знают языка» (А.В. Соловьева).

Кроме двух названных терминов, используется третий – *ороки* (и для мужчин, и для женщин он записывается одинаково – «орок»). Такую запись имеют в паспортах лишь 9 чел. в с. Вал, и именно под этим наименованием все 114 чел. уйльта зафиксированы в списках КМНС, составляемых с 1998 г. административной с. Вал. Термин этот для уйльта чужой. Как известно, айны называли их *орокко*, а японцы – *ороко*. Сами уйльта считают термин «орок» русским: «Русским трудно говорить "орочён", поэтому решили называть нас ороки» (Э.М. Степанова). Действительно, первые русские путешественники, посетившие Сахалин в середине XIX в., широко использовали этот термин наряду с термином «орочон»⁴.

Численность уйльта в Ногликском р-не, как, впрочем, и динамику ее, определить довольно сложно. И в первую очередь потому, что никакой особой статистики, связанной с КМНС (после сокращения в 1998 г. ставки специалиста по КМНС), в Ногликской мэрии и статотделе не ведется. Сложность определения численности уйльта усугубляется и сохранением до настоящего времени минимальных льгот по вылову рыбы для КМНС, в связи с чем дети от смешанных браков почти во всех переписных материалах указываются родителями как «орочёны». Это стандартная ситуация при определении родителями национальной принадлежности несовершеннолетних детей, характерная для нивхско-эвенкийско-уйльтинских браков: дети записываются нивхами (нивх/нивха), эвенками (эвенк/эвенка), орочёнами (орочён/орочёнка), но не русскими или украинцами. Всего нами отмечены 2 семьи в пос. Ноглики (на 1 января 1999 г. общая численность населения его 11 200 чел.) и 43 семьи в с. Вал (на 1 января того же года 1480 чел.⁵), в которых значатся всего 116 чел., записанных «орочёнами» или «ороками».

Основное население в с. Вал – русские; в похозяйственных книгах мы насчитали их 1031 чел., на втором месте орочёны – 114 чел., далее идут украинцы – 98, эвенки – 61, татары – 25, нивхи – 22 и белорусы – 12 чел.; остальные 10 народов (молдаване, нанайцы, коми, чуваша, мордва, якуты, литовцы, армяне, башкиры и буряты) насчитывают по 5 и менее человек; национальность 40 чел. в похозяйственных книгах не указана. По нашим подсчетам, общая численность населения с. Вал составляет 1430 чел.

Примерно 10 лет назад, по данным Хеоника Квона, в с. Вал было 249 чел. КМНС, из которых 142 – орочёны, 62 – эвенки, 43 – нивхи и по 1 чел. – нанайцы и негидальцы⁶. Общие сведения о числе всех ороков дает и всесоюзная перепись населения 1989 г. Здесь следует оговориться, что встречающееся порой в литературе со ссылкой на эту перепись число ороков – 132 или 179 чел.⁷, очевидно, ошибочно. Всего по состоянию на 12 января 1989 г. на Сахалине проживало 343 орока⁸. По сведениям А.И. Кузнецова, в 1990–1991 гг. численность северных уйльта составляла 164 чел.⁹

По подсчетам, выполненным в сельской администрации с. Вал, на 1 января 1998 г. численность КМНС составляла 209 чел., 115 из которых – ороки (см. табл. 1).

По нашим подсчетам, на 24 октября 1999 г. в с. Вал оставалось 202 чел. КМНС – уйльта, эвенки, нивхи и нанайцы (единственный негидалец скончался 22 октября 1999 г.). Об этом свидетельствует табл. 2.

Значительно число неполных семей. В 12 семьях уйльта нет мужей, в 5 мужчины уйльта, главы семей, не имеют жен. В семьях с обоими супругами вариант «орочён + орочёнка» зафиксирован трижды и 1 брак «орок + орок»; вариантов «орочён + эвенка» – 2, «эвенк + орочёнка» – 1, «орочён + русская» – 1, «русский + орочёнка» – 9 и 1 брак «русский + орок». Таким образом, лишь 4 брака уйльта однонациональны, а из оставшихся 14 межнациональных – 3 брака с эвенками и 11 с русскими. Ориентация молодежи на модель «русский + орочёнка» отчетливо была выражена девушкой А. (16 лет) в диалоге:

– А у тебя есть парень?

– Да. (После паузы) Между прочим, русский!

Причины такого предпочтения различны. Есть, например, мнение, что «родители детей настраивают. Потом дети в школе дразнятся: "Гиляк, гиляк!" Дети уже говорят, что мы на своих не женимся. Хватит, настрадались в школе!» (Л.Н. Конусова). Упомянутая девушка А. сказала: «За кого здесь выйдешь? Не очень-то мне нравятся пацаны наши, народы Севера. Я их не воспринимаю. Это не проблема внешности. Если бы наши парни хоть чем-то занимались. Мне кажется, что они вообще работать не хотят».

Численность КМНС в с. Вал на 1 января 1998 г.

Народ	Мужчины	Женщины	Всего
Эвенки	24	40	64
Нанайцы	2	3	5
Негидальцы	1	0	1
Нивхи	10	14	24
Ороки	64	51	115
Всего	101	108	209

Таблица 2

Численность КМНС в с. Вал на 24 октября 1999 г.

Народ	Мужчины	Женщины	Всего
Эвенки	19	42	61
Нанайцы	2	3	5
Нивхи	10	12	22
Орочены, ороки, уйльта	70	44	114
Всего	101	101	202

Таблица 3

Возраст супругов в смешанных браках уйльта, с. Вал (1999 г.)

Муж	Жена	Муж	Жена
1957 г. р., эвенк	1954 г. р., ороченка	1960 г. р., »	1965 г. р., »
1959 г. р., орочен	1957 г. р., эвенка	1954 г. р., »	1952 г. р., »
1957 г. р., то же	1953 г. р., то же	1954 г. р., »	1949 г. р., »
1961 г. р., русский	1975 г. р., ороченка	1957 г. р., »	1960 г. р., »
1941 г. р., то же	1940 г. р., то же	1962 г. р., »	1968 г. р., »
1957 г. р., »	1962 г. р., »	1955 г. р., »	1956 г. р., орок
1934 г. р., »	1942 г. р., »	1974 г. р., орочен	1977 г. р., русская

Несмотря на выявленные брачные предпочтения, в смешанных браках уйльта отчетливо виден факт записи детей либо уйльта (орок/орочен) в уйльтинско-русских браках, либо эвенками в эвенкийско-уйльтинских браках. По данным похозяйственных книг, в полных смешанных семьях уйльта дети записаны как по национальности отца, так и по национальности матери, но при этом нет ни одного случая, когда бы дети в уйльтинско-русских браках были записаны русскими.

Образовательный уровень уйльта по данным хозяйственных книг с. Вал

Образование	Мужчины	Женщины	Всего
Неграмотные	1	—	1
Начальное	4	1	5
Неполное среднее	20	11	31
Среднее	11	16	27
Среднеспециальное	5	7	12
Среднетехническое	—	—	1
Высшее	—	1	1
Учащиеся	14	6	20
Всего:	56	42	98

Возраст супругов в смешанных браках позволяет говорить об ориентации на широко распространенную модель, при которой мужчина старше женщины. В 14 смешанных браках уйльта таких браков 9 и лишь в 5 жены старше мужей — в частности, во всех трех уйльтинско-эвенкийских браках (см. табл. 3).

Следует отметить также большое количество официально незарегистрированных браков (сожитительство), особенно в случаях нивхско-эвенкийско-уйльтинско-русских семей. Однако подсчет их оказался затруднен, поскольку сельская администрация фиксирует такие браки в хозяйственных книгах как зарегистрированные.

Образовательный уровень уйльта невысок (табл. 4). Но сами уйльта относятся к этому по-разному. Кто-то считает умение детей обращаться в тайге с оленями более важным, чем учеба в школе: «Я забрала своих сыновей из интерната. Здесь они худо-бедно, но все-таки выезжают в тайгу. Будут знать, как с оленями обращаться» (Г.Б. Макарова). Для кого-то хорошее образование все еще остается важным показателем готовности молодого человека к жизни: «Льготы, наверное, нужно ввести при поступлении в учебные заведения. Главное выучиться, а потом уже хозяйственной деятельностью надо заниматься» (К.А. Михеева).

География села, социальная инфраструктура и занятость

Село Вал состоит из нескольких хаотично разбросанных частей, в каждой из которых преобладает уличная планировка. Большинство домов деревянные, хотя есть и панельные двухэтажки, и щитовые, финского производства, домики. Село вытянуто вдоль автомобильной и железной дороги Ноглики — Оха с севера на юг на 2 км и находится на правом берегу в низовьях р. Вал примерно в 3–3,5 км от впадения ее в залив Чайво.

В наиболее старой части Вала — так называемом Старом [поселке] — до настоящего времени живут главным образом уйльта. Он располагается непосредственно на берегу р. Вал. Там находилась контора совхоза «Оленевод», позже преобразованного в малое государственное предприятие «Вал» и ныне существующего лишь на бумаге, а также сувенирный цех, в настоящее время тоже прекративший свою деятельность. Магазина в «Старом» нет.

Примерно в километре на юго-восток от «Старого» расположен «Средний [поселок]», где также проживает значительная часть уйльта. Остальные уйльта расселены дисперсно в других «микрорайончиках» села (на «разведке» и пр.).

В «Финском» расположены администрация села, почта, телеграф, частные магазины, несколько благоустроенных домов.

В селе функционирует средняя школа, имеются крытый корт, клуб. Из торговых точек можно отметить частные продуктовые магазины, лавки и вагончики со стандартным набором: китайской лапшой, шоколадками «сникерс», подкрашенной сладкой водой в полуторалитровых бутылках, пальчиковыми батарейками, хлебом и хлебобулочными изделиями; в селе есть также теплицы, оставшиеся от развалившихся промышленных предприятий, в которых частный предприниматель выращивает помидоры, огурцы, лимоны, инжир и иные экзотические плоды и цветы.

В селе активно действуют молельный дом адвентистов седьмого дня и секта свидетелей Иеговы. Православной церкви нет, хотя сами уйльта были формально обращены в христианство еще в прошлом веке.

Реально большинство уйльта не имеют работы – это не только дети, пенсионеры и безработные, но и все записанные в похозяйственных книгах как занятые на работе в МПП «Вал» (как уже было отмечено, фактически не существующем); работают лишь 17 чел.: в Ногликском управлении буровых работ – 5, жилкомхозе – 3, управлении магистральных нефтегазопроводов – 1, в детских дошкольных учреждениях – 5, на железной дороге – 2 и в магазине – 1.

Люди озбочены проблемой безработицы, и большинство опрошенных, не раздумывая, называли основные ее причины. «На нефте- и газопроводе наших единицы работают. Кто один выпьет, прогуляет, а уже ко всем отношение такое. Если на работу устраиваться придут коренной и русский, то, конечно, возьмут русского» (Г.Б. Макарова). «Тут вообще никто не работает. Хорошо, если человек 5–6, от силы 10 работают. Пастухи – на самовыживании. Мясо продали, купили что-то. Ну, конечно, наша народность и выпить любит. Что теперь делать?! У нас очень мало кто не пьет из народностей... Если и на работу устроится, так до первой полочки. О нас так и говорят: "Мало того, что работать не умеет, так еще и на стакан падает". Уже вообще нас не берут. Уже знают» (Л.Н. Конусова). «Труднее всего народностям Севера найти работу. И образовательный уровень у них ниже. Школу из нынешней молодежи никто не закончил. Считали, что мы глупее русских. Не давали школу закончить. Поэтому естественно, что никуда на работу не возьмут. И в Ногликах, и в Охе одинаковая ситуация» (К.А. Михеева).

Понятие «обеспеченность», разумеется, относительное, и тем не менее можно сказать, что среди уйльта, живущих на Валу, достаточно обеспечены лишь четыре семьи, в которых мужчины занимаются оленеводством.

Родовой состав уйльта

Память о прежнем родовом составе уйльта у среднего и старшего поколений, судя по расспросным данным, еще довольно свежа. Нам уверенно назвали такие родовые наименования, как Баяусá с подразделением на даи-баяуса (большие баяуса) и нути-баяуса (малые баяуса) (Владимировы, Михеевы, некоторые из Степановых), Намисá (Мироновы (?), Макаровы), Гётта с подразделением на даи-гетта и нути-гетта (Бибиковы), Синахудо́ (Иннокентьевы) и Тори, или Торисá с подразделением на даи-ториса и нути-ториса (Кирилловы, некоторые из Степановых). Род Ториса, зафиксированный 70 лет назад Б.А. Васильевым под именем Тóрся, всеми информаторами был назван именно как Торисá. Под этим же именем Торисса он был отмечен в 1960-е годы А.В. Смоляк у южных ороков¹⁰. Никаких иных родовых наименований, отмечавшихся ранее Б.А. Васильевым, А.В. Смоляк и другими исследователями, как-то: Сукта (Сюкту), Муйб́тта, Туэсо и пр., нам не называли.

Кроме уйльта память о своей родовой принадлежности сохраняют и местные эвенки (Павловы – а́дян, Трофимовы – дир¹¹). Любопытно, что Ф. Соловьев, сын негидальца, осознающий себя уйльта и свободно говорящий на уйльта и эвенкийском, в качестве своего рода называет род отца – *неида*, что фактически является обозначением негидальцев соседними народами.

Для части родовых наименований информаторы предлагают свою этимологию. Так, Намиса воспринимается как «что-то, связанное с оленями», вероятно, исходя из наличия в языке слова *нами* – «важенка», Баяуса – как «богатые». Никаких брачных запретов или предпочтений, исходя из родовой принадлежности брачующихся, выявлено не было. Все опрошенные уверены в том, что браки возможны даже в одном роде, например между представителями подразделений *даи* и *нутти* (*нучи*). В принципе не осуждаются браки между троюродными братьями и сестрами, хотя на практике большая часть уйльта, имеющих общих детей, состоит в более близкой степени родства. Как считают сами уйльта, требуется «обновление крови», поскольку близкородственные отношения приводят к рождению детей с теми или иными физическими отклонениями.

Реальная ситуация заставляет усомниться в актуальности знания людьми своей родовой принадлежности. Некоторое восстановление забытого пришлось, по-видимому, на самые последние годы, когда встал вопрос о разделе совхозной собственности, определении «родовых территорий». Люди откровенно говорят: «У нас воспитательница есть в детском саду, так она все про рода знает, кто из какого рода. Все нам объясняла, рассказывала».

Экономическая ситуация в регионе и традиционные хозяйственные занятия

Статистика по Ногликскому р-ну за первые девять месяцев 1999 г. выглядела так: в район прибыло 280 чел., выбыло 355; родилось 124, умерло 114 чел. Пенсионеров – 2952 чел., из них социальные пенсии у 130 чел., средний размер пенсий с учетом компенсационных выплат составлял 638,5 руб. Сентябрьский прожиточный минимум составлял (руб.): для мужчин – 1650,71; для женщин – 1359,19, для детей 7–15 лет – 1514,77 и для пенсионеров – 888,82. Безработными признаны 463 чел. (Из сообщений информаторов: пособие составляло чуть больше 100 руб., и получающий его был обязан отмечаться на бирже в Ногликах каждые две недели. Это, на наш взгляд, просто издевательство над жителями, например, с. Вал, которые за такие деньги не могут купить билет даже на одну поездку до Ногликов.) Добыча нефти увеличилась на 3,4 тыс. т, а добыча газа сократилась на 153,1 млн. м³. Вылов рыбы с учетом предприятий родовых национальных хозяйств и кооперативов увеличился на 4523,6 тыс. т (из публикации В. Бабийчук, начальника райотдела госстатистики¹²).

В ценностных ориентациях северных уйльта первое место среди хозяйственных занятий занимает оленеводство, несмотря на то что в реальном соотношении преобладающее значение имеют охота и рыбная ловля.

Если считать советский период в развитии оленеводства точкой отсчета, то, безусловно, приходится констатировать, что сейчас оленеводство уйльта пришло в упадок. Оленей имеют лишь четыре семьи: у Михеевых их числится около 70 голов, в родовом хозяйстве Макаровых – 20, у Иннокентьевых – 25 и в родовом хозяйстве Мироновой – 35. Братья Василий и Федор Соловьевы оленей своих растеряли. Итого не более 150 голов. По мнению наших информаторов-олeneводоов, деградация оленеводческого хозяйства связана с введением в 1970-е годы вольного выпаса оленей, что способствовало их «одичанию». В конце 1980-х – начале 1990-х годов значительная часть свободно пасшихся совхозных оленей стала объектом отстрела браконьерами из городов и поселков (их считали дикими). Система свободного выпаса привела также к одичанию большей части оленей. Таким образом, можно говорить не столько об исчезновении, сколько об «одичании» домашних оленей. Информаторы считают, что таких животных достаточно легко приручить вновь (в отличие от диких), однако для этого требуются значительные финансовые и организационные ресурсы.

И уже легендой начинают выглядеть воспоминания стариков-нивхов из Ногликов об ороченских стадах, напоминавших бушующее море, или пожилых уйльта о том, как «в наказание» дочери, вышедшей замуж по любви за бедного эвенка, родители дали в

Термины, обозначающие домашних оленей

Домашние олени	Информаторы			
	П.Н. и Н.Н. Владимировы		Ф.Н. Соловьев	
	самцы	самки	самцы	самки
Новорожденные	Сондо	Сондо	Сондо	Сондо
До 1 года	Апала	Сатэ		Сачей
До 2 лет	Итэнэ	Нами	Мулкан	Гулу
До 3 лет	Дупти	То же	Иктэнэ	Нами
До 4 лет			Неркан	То же
До 5 лет			Нотоно	»
			Хаматана	
До 6 лет			Дюпти	»
До 7 лет			Дюптикал (и т.д., т.е. дюпти пер-вого, второ- го...года)	
Нетель		Вангай		Вангай
Бесплодная важенка				Кэтым
Ездовой бык, кастрат	Курбу			
Недокастрированный олень			Нара	
Старый, смиренный олень в возрасте примерно с 8–9 до 15 лет (до смерти)			Сагдаку	

приданое «всего 30 оленей» (Э.А. Кириллова о своей бабушке). Люди жалеют об исчезнувших личных оленях, о прежних временах с тысячными стадами совхозных оленей. Бывший управляющий МГП «Вал» В.А. Шевнин вынашивает, вероятно, вполне реалистичные планы восстановления крупнотабунного оленеводства («Оленеемость пастбищ такова, что поголовье можно спокойно довести до 12–15 тысяч голов»), но... По-видимому, все уже забыли о том, что традиционное оленеводство уйльта не было крупнотабунным. По свидетельствам исследователей, так было в течение всего XIX и в первой трети XX в. По результатам поездки к северным уйльта (орокам) в 1928 г. Б.А. Васильев писал: «На одного хозяина редко приходится более 20 оленей. Самое распространенное число восемь, пять. У бедняков бывает и меньше»¹³.

В качестве меток оленей используются различные вырезы на ушах. Михеевы вырезают оленю треугольник с внутренней стороны левого уха и срезают ровно кончик правого; Владимировы срезали оленю кончик левого уха, а на правом с внешней стороны вырезали рядом в средней части два треугольника. Родовых меток никто не помнит, все говорят лишь о семейной собственности на оленей.

Как и прежде, оленей кастрируют, пережевывая/передавливая *testiculae* зубами. С введением для кастрации щипцов появились «недокастрированные» олени (*нара*).

Уйльта имеют развитую терминологию для обозначения оленей по полу и возрасту. Б.А. Васильев сообщал, что они имеют названия «для самцов до шестилетнего возраста включительно и для самок до пятилетнего включительно», хотя назвал лишь два термина: олень-самец на втором году – *annala* и на третьем году – *iktöñö*¹⁴.

По материалам Т.П. Роон, у уйльта были известны следующие термины: новорожденный теленок – *сено*; смиренный олень – *сагдаку*; важенка – *нами*; а также отдельно приведены наименования «теленка первого года – *сондо*, второго – *апала*, третьего – *иктэнэ*, четвертого – *нотона*, пятого – *хаматана*, шестого – *дубчи*¹⁵.

В собранных нами материалах половозрастная терминология применительно к домашним оленям (*ула*) зафиксирована дважды, о чем свидетельствует табл. 5.

Практически все термины – собственно уйльтинские. В информации, полученной от Ф.Н. Соловьева, просматривается влияние эвенкийского языка: термины мулкан, нёркан и, наверное, дюптикал – эвенкийские.

Мужчины оленеводы кочуют круглый год со стадом. Женщины, иногда с детьми, приезжают к ним обычно на лето. Зимой все женщины находятся в поселке. Маршруты кочевий в основном сохранились, хотя удобных мест стало гораздо меньше из-за пожаров, проседаний пластов земли вследствие нефтеразработок и прочих экологических бедствий. Движение стад в последние годы происходит примерно таким образом: с сентября по ноябрь Макаровы и Иннокентьевы продвигаются со стадами в верховья р. Фуй (в районе р. Солоночу), а Михеевы – в верховья р. Пильтун, по Огненному Ключу; зимой, в декабре–марте, стада первых двух семей движутся на запад, в верховья р. Вал по р. Нилауша, где к ним присоединяется стадо Михеевых; в апреле–мае происходит отел важенок у всех трех семей в низовьях р. Оссой, в районе оз. Оленьего и в Димданги – в районе озер у залива Астол, а важенок Ж.А. Мирановой – в устье р. Эвай; в июне–августе оленеводы собираются для выпаса стад на мысе Агиво.

Кочевой образ жизни обеспечивается за счет переносного жилья, традиционные формы которого (типа чума) исчезли достаточно давно – лишь немногие имели смутное представление о чуме по воспоминаниям детства. Некое подобие чума сохранялось, судя по сообщениям информаторов, до конца 1980-х годов, но только в качестве временок на период рыбалки: «Чумы были, только когда жили бабки старые, на устье Вала, рыбачили. Крыли уже тряпками. По форме только чум» (Э.М. Степанова). В настоящее время существует один тип переносного жилища – палатка (*апала*). Летом в ней используется жестяная печь, зимой она отапливается железной печкой – «экономкой».

Сохраняется традиционный способ выпаса оленей – следование за стадом с учетом естественных миграционных потребностей животных. Отел происходит на холмистой равнине вблизи побережья (оленок должен родиться на земле, а не на снегу, и раннее оттаивание склонов холмов дает такую возможность; безлесность облегчает пастухам наблюдение за важенками и телятами). Летом олени спасаются от гнуса на морском побережье, осенью мигрируют в верховья рек, по берегам которых растет много грибов – излюбленной пищи оленей. Морского ветра вполне достаточно для спасения оленей от гнуса, и потому уйльта редко используют дымокуры, хотя этот способ защиты им также известен.

Характерная черта уйльтинского оленеводства – доение важенок. Молоко очень жирное. Важенка дает в день примерно 1 л молока; для употребления в пищу его разводят в пропорции 1 : 10.

Дети в семьях оленеводов прекрасно знают своих оленей. В семье Михеевых, например, дети, в том числе и пятилетняя Мотя, без труда назвали нам четыре десятка имен-кличек оленей. В качестве кличек используется как уйльтинская терминология – для самцов Бэинде, Бэрэмкэн, Калимэли, Капчулан, Корбоккон, Мырилэ, Нотоно, Нэмкучен, Пемура (букв. «пестрый олень»), Синдарка, Танчики, Ченга, Чонбик, для самок Алииче, Чуралан (это имя может быть и у самца), так и слова/имена из русского языка, в том числе и попавшие в современную речь через средства массовой информации – для быков Безухий, Белорог, Бородулька, Буратино, Воришка, Гвоздодер, Дурачок, Косой, Мурман, Охламон, Партизан, Пиночет, Сирота, Сопляндин, Толик-Молик, Чебурашка, для важенок Анка-Манка, Анфиска, Дикая Роза, Карга, Мальвина, Марийка, Оксанка, Татра и др.

Домашние олени используются преимущественно для транспортных нужд. Оленеводы сохраняют традиционные уйльтинские нарты (*оксо*). Их до сих пор изготавливают кто лучше, кто хуже. Различаются олени нарты и нарты для вездеходов «Буран». Первые делают более высокими, чтобы не цеплялись при езде за пни. Дощатый настил вдвигается между проволочными стяжками и поперечинами, скрепляющими пары копыльев. Все нарты относятся к типу прямокопыльных. Ездовые нарты –

трехкопыльные, хотя грузовые могут быть и четырехкопыльными. До сего дня сохраняется специфическая черта нарт: копылья одной стороны расположены по отношению к копыльям другой не параллельно, а под небольшим углом (вид в разрезе – трапеция), что придает нартам особую устойчивость. Бараны (дуги) привязываются к продольным верхним нащепам спереди и сзади нарт: в случае поломки задний баран переставляется на место сломанного. Оленья упряжь крепится к барану. Нарта снабжена также черемуховой дугой, укрепленной вертикально на уровне первой пары копыльев для натягивания брезента, защищающего седока от ветра и снега. В упряжке два оленя. Зимой при необходимости пробивать в снегу дорогу нарты движутся следующим образом: впереди идет человек на камусных лыжах и ведет двух оленей, пробивая дорогу; за ним – легкая нарта, на которой сидит человек (на его нарте лежат шкура, постель, ружье), нарту тащат два оленя и еще два привязаны к ней сзади; далее следуют грузовые нарты. Нормальным считается иметь шесть нарт для перевоза скарба одной палатки. Движущиеся нарты с людьми и имуществом называются по-разному: первая нарта – *нборомди*, все остальные – *ируна* (первый ируна, второй ируна и т.д.).

Полозья (*паура*) и копылья (*бэгди*) нарт изготавливаются из березы, нащепы (*палури*) – из елки или пихты, а дуги (*чембо*, *дывалга*) – из черемухи или рябины.

В летнее время наблюдаются в основном верховая езда и вьючное использование оленей. Седла у оленеводов до сих пор существуют, причем самые разнообразные: взрослые (*нэмо*), детские (*дурэкэ*) – с высокими луками и двумя дополнительными полками по бокам, которые не дают ребенку свалиться при езде; вьючные седла. Последние наиболее просты: к двум обработанным оленьим рогам (две развилки) крепятся сыромятным ремнем две деревянные полки. Полки верховых седел закрываются чехлом из ровдуги, шитым по особой выкройке и набитым затем оленьим волосом. Раньше для новорожденных всегда готовили седло, в настоящее время этот обычай утрачен.

Ременные арканы для отлова оленя в стаде традиционно изготавливают из нерпичьей кожи (кожа нарезается спиралью с краев к центру), но термин для их обозначения, в том числе и на русском языке, используется лишь один, эвенкийский – *маут* (*мавут*).

С исчезновением совхозного оленеводства лидирующее положение в традиционной системе жизнеобеспечения вновь заняли охота и рыболовство. Мужчины-охотники прекрасно знакомы с традиционными способами и орудиями пассивной охоты: петлями на птиц (*пута*), кулемками (ловушками давящего типа) на соболей и пр. Из добываемых животных на первом месте по-прежнему стоят дикий олень и нерпа. Рыбу ловят неводами, сетями и удочками. В связи с многочисленными запретами на использование снастей и неуклонно снижаемыми властями нормами вылова рыбы последний способ рыбалки стал активно практиковаться даже взрослыми. Из уйльтинских терминов для обозначения рыб нам были названы лишь *укиды* (горбуша), *лойма* (голец) и *больдинга* (линок).

Все информаторы обращают внимание на огромный ущерб, причиненный природе Сахалина приезжими. Катастрофически сократились пастбища. Земля становится пустыней. Рыба пахнет нефтью. Ущерб природе нанесен и отечественными добытчиками нефти, и американскими компаниями. 28 сентября 1999 г. произошла расстыковка танкера-накопителя «Оха» с нефтедобывающей платформой «Моликпак». Компания «Сахалин Энерджи» сообщала о пролившихся в Охотское море 2 баррелях (около 320 дм³) нефти, в то время как реально было вылито в море от 3 до 3,5 т. 30 сентября на узкоколейке, не доезжая 200 м до нерестовой речки Томи, сошли с рельсов и упали под откос две 20-тонные цистерны с дизтопливом: нефтяная пленка поплыла и по Томи, и по заливу Ныйво¹⁶. Впрочем, местное население не стремится сделать безусловно виноватой лишь одну сторону. «Может, это и мы сами виноваты, что водили первых геологов по своим землям», – говорят люди.

Пища

Структура питания и пищевой рацион уйльта в поселке и на стойбище, в безоленных и в сравнительно зажиточных семьях, сохраняющих оленей и/или организовавшихся в так называемые родовые хозяйства, остаются до сих пор неизученными. Очевидно, что все семьи в той или иной степени используют мясо диких животных и птиц, оленину, рыбу, нерпичье мясо, ягоды, грибы. Значительное подспорье – картофель. Некоторые семьи в небольших количествах выращивают и другие овощи – морковь, лук и пр. В случае наличия в семье запасов муки и при отсутствии денег (последнее, скорее, норма, чем исключение) хлеб пекут сами. Собственно национальные блюда готовятся в случае забоя оленя.

Традиционными считаются также пельмени. Практически все опрошенные готовят «салат» из спелой (черной) сиксы (ягода), вареной, мелко покрошенной кеты и с отварными молоками, залитый нерпичьим жиром. Делали «ороченскую юколу» (*маудэ*), которую пожилые информаторы считают более вкусной по сравнению с нивхской; во многих семьях юколу сейчас уже не делают. Сушили и морозили на зиму оленьё мясо. Собирали и солили черемшу. Из ягод активно заготавливали бруснику. В основном же ягоду ели сразу – например, морошку; впрочем, морошку могли также заготавливать на зиму, заливая водой.

Необходимо сказать, что в поселке во многих уйльтинских семьях пищевой рацион не отличается разнообразием: «Наша еда сейчас что? Рис, мука, сахар, да то, что на огороде выросло» (Э.А. Кириллова).

Одежда

Следует отметить довольно высокую степень сохранности в быту уйльта традиционной меховой одежды. Это касается не только мужской, женской и детской обуви – торбазов (уйльт. *утта*) и меховых чулков (*уттанту*), но и рукавиц, шуб, дох. Во многих семьях до сих пор хранятся выкройки для изготовления традиционной и нетрадиционной одежды. С закрытием сувенирного цеха в с. Вал уйльтинские женщины не прекратили изготовления обуви, верхней одежды и сувениров на продажу, хотя заказы сейчас редки и не покрывают дефицита семейных бюджетов. Трудно сказать, насколько все, что сейчас шьется на заказ, хуже по качеству того, что делается для себя; образцы обуви на продажу, которые нам приходилось видеть и держать в руках, по качеству выделки шкур существенно отличались в худшую сторону от личных торбазов изготовителей. Стоимость детских торбазов может достигать 700–800 руб. Национальных мотивов в орнаменте в настоящее время мастерицы почти не знают, точнее, не всегда уверенно могут сказать, что именно в используемых ими орнаментах – собственно уйльтинское, а что – эвенкийское или нивхское. Хотя некоторые женщины еще помнят (со ссылкой на рассказы матерей или бабушек), что в уйльтинском орнаменте «завитки шли» несколько иначе, чем в нивхском.

Основная часть комплекса одежды состоит из покупной фабричной верхней и нижней одежды. Для многих уйльта определение «покупной» означает сейчас лишь то, что та или иная вещь была куплена в годы советской власти.

Семейная обрядность и традиционные верования

Подавляющее большинство всех родившихся в Ногликском р-не вообще, как и в с. Вал, родились в роддоме в Ногликах, поэтому никакой этнической специфики в родильной обрядности зафиксировать не удалось.

Детей кормят грудью обычно до года. Много «искусственников», вскормленных на коровьем и оленьем молоке.

Традиционные имена совсем не сохранились. Отдельные имена своих матерей и бабушек называют лишь пожилые информаторы (Лингари, Сынэлук и др.).

Все уйльта были крещены еще в XIX в., но частично сохранили традиционные верования до сего дня. Для исцеления от болезней продолжают делать амулеты/идолов (*сивэ/сэвэки*). Когда дети тяжело болеют, амулеты вырезают из замши и надевают им на шею. Фигурки могут быть и зооморфными, и, чаще, антропоморфными. Фигурки эти «наговаривали на огонь» (текст зафиксировать не удалось), хотя могли использовать и без наговора. Э.М. Степанова, например, рассказывала: «У меня на языке болячка была. Мне мама вешала круглый кусочек кожи с язвочками, вырезанными на нем, и я носила это на шее». Были также и деревянные идолы. Сэвэки хранились завернутыми в тряпицы в берестяных переметных сумках (*хулма*). Со смертью человека их хоронили вместе с ним.

Рис. Сэвэки (по рисунку Ф.Н. Соловьева)

Сэвэки – это не только упомянутые амулеты/идолы (рисунк), но и бог вообще и посвящаемый ему белый олень в стаде. На этом олене не ездят – такой олень считается залогом оленеводческой удачи.

Из этнически окрашенных толкований снов записано: «"Во сне увидеть нивха – плохая погода будет", – бабушка так говорила» (Э.А. Кириллова).

Распространено (не только в прошлом, но и по сей день – у оленеводов) кормление хозяев огня, воды, земли. После очередной перекочевки, ближе к вечеру, обязательно угощают хозяев местности. «Дают гостинец» костру: «Возьми, огонь, гостинец, чтобы нам все хорошо было» (*Тава, на-ка...*). Огню можно дать кусок мяса или то, что есть на столе. Еще одного духа местности, которого угощают, называют *бока* (очевидно, эвенкийский термин). Ему говорят: «*Бока, на-ка*» и оставляют на новом месте разломанную папиросу, спички, рис, конфеты; все это кладут где-нибудь под дерево (Ф.Н. Соловьев). О постоянных местах для угощения земли информаторы не помнят, хотя зафиксированы единичные воспоминания о каких-то деревьях, украшавшихся ленточками (Э.А. Степанова).

О шаманах также почти не помнят, хотя нашлась внучка последнего шамана, умершего в 1925 г. (фото захоронения было опубликовано в 1929 г. Б.А. Васильевым). «Мой дед был последний шаман, – рассказывала она. – Умер уже при советской власти. А как звали, не помню я. Старшая сестра мне рассказывала. На Гаромае сделали помост, на столбиках. И он сидит там. Все там у него, и бубен, лежало. А потом разгромили эти русские. После и шаманов не было, и не лечил никто. Все в больнице». Уточнение о сидячем положении покойного шамана представляется важным, поскольку в литературе этот факт не упоминается. Скучные сведения о шаманах можно дополнить ссылкой на их постепенную фольклоризацию. Так, в первом упоминании о шаманах у уйльта нам рассказали о мужчине, живущем в этом же селе, у которого якобы бабка была шаманкой. Как выяснилось позже, речь шла о родном брате упомянутой женщины, у которой шаманом был дед.

По результатам общения с уйльта оказалось возможным более или менее полно судить о современном погребальном обряде. Вплоть до настоящего времени сохраняются отдельные уйльтинские обычаи, как-то: класть в гроб в мешочке немного пищи «в дорогу» (кладут около правой руки), нож в ножнах со сломанным острием, женщинам – нитку с иголкой. «Кто чем занимался, то и кладут» (К.А. Михеева). На могилы кладут нарты со сломанным «бараном» (*чембо*) и *чинапул* для управления оленями. Если человек покончил жизнь самоубийством или утонул, его хоронят без всяких отличий от указанных выше обычаев. Если тело не найдено, то ни похорон, ни поминок, ни оплакивания нет. Чтобы найти утопленников, родственники выходят на берег и зовут утонувшего по имени. Об этом же несколько раз нам рассказывали и

нивхи. Хоронят, как правило, на третий день после смерти, но ни в коем случае не в понедельник. Гробы делают из досок, обтягивают красной материей. На похоронах старика-негидальца, на которых нам пришлось присутствовать, гроб выносили из дома через окно (двери оказались узки), ногами вперед.

Прежде дети на кладбище не ходили и в похоронах не участвовали. В настоящее время этот обычай не соблюдается. Мы видели, как дети стояли в доме возле тела умершего, присутствовали при выносе гроба и шли на кладбище.

Родственники покойного, по традиции, не обмывали тело, не украшали гроб, не несли его и т.п. Но в наблюдаемом нами случае они принимали участие в похоронах наравне с посторонними, специально нанимаемыми людьми. Собственно проведение похоронного обряда не отличается от современной его русской модели. Родственники едут на кладбище в машине с гробом. Присутствующие на похоронах бросают в могилу по три горсти земли. Могильный холм обкладывают еловыми ветками и венками. На кладбище и в доме покойного устраивают поминальную трапезу. Полагают, что люди, когда умирают, «наверх, к верхним людям уходят» (Ф.Н. Соловьев).

На старом и новом поселковых кладбищах нам удалось найти лишь две могилы, на которых отчетливо видны остатки положенных на могиле нартов, что свидетельствует о постепенном забвении этого обычая. Старики рассказывали, что не так давно гроб с одним из умерших уйльта даже на кладбище транспортировали на нартах. Русские спрашивали: «Это у вас обычай такой?» Как пояснили нам информаторы, может быть так и делали раньше, но в данном случае просто не было машины.

Покойника хоронили головой на запад (по отдельным сообщениям – на север). На могиле в ногах умершего принято было ставить столбик в форме удлиненной пирамиды. В последние годы состоятельные семьи стали заменять его постаментом из мраморной крошки и бетона.

На новом кладбище мы видели два столбика с укрепленными на их вершинах жестяными фигурками птичек. Это были могилы утонувших детей. Кресты детям не ставят, а ведь, по понятиям людей, «что-то надо на столбик». Кресты на могильных столбиках до настоящего времени ставили лишь на могилах стариков, для умерших среднего возраста – звезды.

Кладбище сохраняет статус сакрализованной территории. Ягоды и грибы здесь не собирают.

Что касается праздничной культуры народа, то все информаторы отрицают существование у уйльта медвежьего праздника, аналогичного нивхскому (что не соответствует ранним сведениям по литературе, например, у Б.А. Васильева). Информаторы настаивают на этом, невольно сравнивая ситуацию с нивхским праздником выращивания медведя, с тщательной проработкой всех деталей праздника, с большим значением его в обрядовой практике. У уйльта сохраняется особое поведение по отношению к убитому медведю. Наиболее полный рассказ об этом был записан от Ф.Н. Соловьева: «Медведей у нас, как у нивхов, не выращивали. Некогда, с оленями все. Когда медведя убивали, топором мясо-кости не рубили – грех, дед говорил. Череп оставляют там, где убили. Глаза выкалываешь, чтобы он тебя не видел в следующий раз, когда охотиться будешь. Чтобы поближе подпустил. Череп – мордой на восток. Кости в мешочек складывают и хоронят где-то под деревом». С этим рассказом перекликается сообщение Э.М. Степановой: «Медвежьего праздника у нас не было, это у нивхов. Просто медведя валили. Но кости не выбрасывали. Кости клали отдельно, даже, чтоб люди не ходили по ним, чтобы никто не наступил. Где-нибудь под деревом. Под любое дерево можно. Когда мясо медвежье ешь, нельзя рвать, надо резать».

Язык уйльта и меры по его сохранению

Уже в 1989 г. менее 21% уйльта Ногликского р-на Сахалинской обл. считали язык уйльта родным¹⁷. Мы не располагаем последними статистическими данными. Язык уйльта используется лишь в быту: пожилые люди и буквально единицы 40-летних

говорят друг с другом «на своем языке». «Бывает, забудешь какое слово, а станешь говорить с кем-нибудь и обязательно вместе "найдем пропашу"» (З.Ф. Алексеенко, Э.А. Кириллова). Уйльта владеют, как правило, не только своим и русским языком, но в той или иной степени и эвенкийским. Эвенки же, если и не говорят по-уйльтински, то по крайней мере понимают его. Неудобство от постоянного общения на неродном русском языке испытывают лишь некоторые пожилые люди. Эвенкийка Т.А. Павлова (1935 г.р.) рассказывала об А.Н. Макарове (1932 г.р.): приходя из тайги и разговаривая с нею по-эвенкийски (Тамара Афанасьевна хорошо понимает уйльтинский, но не говорит на нем), он постоянно жалуется на то, что очень устаёт в тайге из-за невозможности говорить с молодежью на родном языке уйльта.

В начале 1990-х годов упоминавшиеся выше Е.А. Бибикова и И.Я. Федяева впервые подняли вопрос о необходимости разработки письменного языка уйльта, создании словаря и учебников и о преподавании этого языка в детском саду и школе¹⁸. С этими активистами тесно сотрудничает японский лингвист проф. Дзиро Икегами, разработавший проект письменности языка уйльта. В 1993 г. этот проект был утверждён в Институте языкознания РАН. В настоящее время Д. Икегами и И.Я. Федяева заняты созданием букваря уйльта.

Следует сказать, что японскими исследователями сделано очень много для сохранения языка уйльта. В частности, в серии трудов Общества сохранения культуры и фольклора северной территории (The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore, Abashiri) составлено и издано не менее десятка словарей, в основном по южноуйльтинским материалам. К сожалению, без знания японского (негидалец, на похоронах которого мы присутствовали, был, по-видимому, последним в с. Вал, кто знал кроме уйльтинского, эвенкийского и русского еще и японский) для уйльта эти работы не имеют практического значения. Нам приходилось слышать более чем осторожный прогноз относительно готовящегося букваря: если он и будет подготовлен и издан, то вряд ли дойдет до Сахалина и самих уйльта.

О традиционных песнях, сказках, сказителях вспоминают как о давно ушедшем народном богатстве. «Я никогда не пела. Муж у меня пел по-эвенкийски. Старушки раньше пели много. Старики сказки рассказывали. Помню, был дедушка Соловьев Архип, сказочник, советскую власть все материл. Рассказывает и поет» (Т.А. Павлова, эвенкийка). «Бабушка пела песни по-своему, танцевала по-своему, по-орочёнски (*Мэвриви*, она говорила). Все время вспоминаю ее и думаю – вот дурная, надо было учиться! "Нивхи так делают, а мы должны вот так делать", – она говорила» (Э.А. Кириллова). «Бабка моя, мать матери, песни все по-орочёнски пела» (Ф.Н. Соловьев).

«Возрождение»

После самороспуска МГП «Вал» социально-экономическая ситуация в с. Вал настолько ухудшилась, что у большинства людей просто опустились руки. Два лидера – Е.А. Бибикова и И.Я. Федяева да, пожалуй, еще Г.Б. Макарова – это те, кто пытается хоть как-то «растолкать» местное население. Однако они не всех устраивают в качестве лидеров. По отзывам информаторов и по нашим наблюдениям, людям приходится очень трудно. Никакой реальной помощи не только от российской Ассоциации КМНС, но даже от областной ассоциации нет. Неслучайно было сформулировано предложение о создании своей районной ассоциации. Областную ассоциацию уйльта считают «нивхской», никто из уйльта, по словам опрошенных, там не представлен. Сами уйльта участвовали в выборах этой ассоциации, но все собрания, в том числе и эти выборы, проходили без мужчин. «Все работающие в тайге, всегда в тайге и были. А кто тут остается? Банщицы, уборщицы, вот они и выбирают за весь народ» (Ж.А. Миронова).

Никаких мероприятий, которые бы напрямую были связаны с десятилетием коренных народов мира, объявленным ООН, да и вообще никаких за последние годы здесь не проводилось. Подавляющее большинство уйльта даже не подозревают о том,

что живут в годы «повышенного внимания к коренным народам мира». Что-то о законодательстве в отношении КМНС, о каких-то последних актах, указах знают единицы, организовавшие собственные так называемые родовые хозяйства (Ж. Миронова, В. Осипова).

В «родовые хозяйства» объединены лишь несколько семей: самостоятельные хозяйства организовали Г.Б. Макарова, Г.И. Умемя, Ж.А. Миронова – «Баяуса», Е.А. Бибикина – «Гетта» (совместно с семьей дочери, В. Осиповой, и самой крупной семьей оленеводов – Михеевых). Последние в лучшем положении. Хозяйство наняло юристов и коммерческого директора. Удалось получить грант от Института устойчивых сообществ на развитие хозяйства до 2001 г. Развивается не только оленеводство, но и собирательство, рыболовство, этнографический туризм, производство сувениров. Однако это хозяйство – исключение. Реально все «родовые хозяйства» регистрируются как коммерческие ТОО с теми же налогами, ограничениями и т.п. Земля в этих хозяйствах государственная, передаваться по наследству она не может, «хозяева» имеют те же лимиты по вылову рыбы, что и остальные, не объединенные в «родовые хозяйства». Такой способ регистрации «родовых хозяйств» позволяет властям, очевидно, на вполне законных основаниях руководствоваться лишь Гражданским кодексом, не учитывая законодательство по коренным малочисленным народам Севера.

Пик беспредела был зафиксирован в одном из родовых нивхско-уйльтинских хозяйств в Охинском р-не: «У нас родовое хозяйство в Романовке свое. Сейчас все подавляется налогами. Мафия кругом. У нас основа – рыболовство. Рыбу, икру заготавливаем, вот на этом и живем. А лицензии все равно заставляют покупать. За лицензией едут аж в Южно-Сахалинск. Раньше лицензия давалась на 5 лет, теперь каждый год на сезон. Отдельно на кету, на горбушу, на разнорыбицу. Оговаривается, сколько можно ловить. За лицензию мы платим натурой – половину от выловленной рыбы. Приезжают из города, забирают рыбу. И администрации платишь, и СЭС, и всем остальным рыбой платишь. А если деньгами платить, то надо самим организовывать сбыт. Своего участка по переработке рыбы нет. Все кустарным способом». Последний штрих в этой картине – указание соседнего колхоза на *тони*, т.е. места вылова рыбы на каждый очередной сезон! Но парадоксальность ситуации состоит даже не в этом, а в том, что за данное «ценное указание» родовое хозяйство должно платить колхозу рыбой!

Заключение

Общение со многими уйльта произвело очень яркое впечатление. В чисто этнографическом плане эта уникальная культура таит в себе еще много загадок, но, как показало наше недолгое пребывание в с. Вал, люди способны до сего дня шаг за шагом впускать тебя в «святая святых» своего мира и приоткрывать секреты своего миропонимания.

Очевидно, пора, наконец, отказаться от употребления экзоэтнонимов, навязанных этому народу в ХХ столетии, и использовать лишь самоназвание «уйльта» или же «ульта», как решат лингвисты – специалисты по этому языку.

Не менее очевидна необходимость срочного принятия программы защиты мест проживания уйльта от экономической агрессии государства. Должны быть приняты экстренные меры по закреплению земель для традиционного природопользования, по их рекультивации, разработаны как минимум типовые соглашения с теми или иными фирмами и структурами, пытающимися любыми способами зарабатывать свои капиталы за счет разграбления уйльтинских земель, соглашения, направленные на приостановление производства и введение системы компенсационных выплат.

Богатства Сахалина, являющиеся источником сверхприбылей для предпринимательских кругов, послужили причиной стремительного вытеснения «лишних» в распределении доходов коренных жителей за черту бедности.

¹ Полевые исследования проводились при финансовой поддержке Александри Института, Университет Хельсинки. Полученные материалы обрабатывались по программе исследований проекта «Коренные малочисленные народы Севера и Сибири» и программе проекта «Народы Севера и Сибири: общество и культура на рубеже тысячелетий» (РГНФ, проект № 99-01-00186а).

Авторы выражают признательность рецензентам статьи А.В. Смоляк, С.В. Соколовскому и Л.И. Миссоновой за просмотр статьи в рукописи и ряд ценных замечаний.

² Литература, посвященная этнографии уйльта/ороков, невелика. Могут быть названы, например, следующие обзорные статьи: *Васильев Б.А.* Основные черты этнографии ороков // *Этнография*. 1929. № 1. С. 3–33; *Смоляк А.В.* Южные ороки (Этнографические заметки) // *Сов. этнография*. 1965. № 1; *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития. М., 1991. («Исследования по прикладной и неотложной этнологии»); *Кузнецов А.И.* Уйльта // *Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.)*. Вып. 4. Москва: Улан-Удэ, 1999. С. 37–59, а также два специальных исследования: *Kwon H.* Maps and actions: nomadic and sedentary space in a siberian reindeer farm. PhD. Thesis. University of Cambridge, 1993; *Роон Т.П.* Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX века. Южно-Сахалинск, 1996 (в данной работе приведена полная библиография по состоянию на 1995 г.). Этнонимии уйльта по литературным данным, а также по полевым материалам 1990–1991 гг. посвящена публикация Л.И. Миссоновой «Этнонимия уйльта Сахалина», опубликованная в сб.: *Имя и этнос*. М., 1996. С. 51–56.

Гораздо полнее исследован язык уйльта: *Петрова Т.И.* Язык ороков (уйльта). Л., 1867; *Сем Л.И.* Общая характеристика орокского языка // *Общие закономерности исторического развития народов советского Дальнего Востока*. Владивосток, 1969; *A Dictionary of The Uilta Language*, compiled by Hisaharu Magata. Abashiri, 1981, *Ikegami Jiro.* Differences between the Southern and Northern Dialects of Uilta // *Bull. of the Hokkaido Museum of Northern Peoples*. 1994. V. 3 и др.

³ *Батьянова Е.П.* Метаморфозы этнической самоидентификации (на примере телеутов) // *Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте*. Москва; Нальчик, 1997. С. 161.

⁴ *Кузнецов А.И.* Указ. раб. С. 37.

⁵ В обоих случаях использованы данные, предоставленные Ногликским районным статистическим комитетом.

⁶ *Kwon H.* Op. cit. P. 3.

⁷ См., напр.: *Народы России: Энциклопедия*. М., 1994. С. 259 и 433; *Роон Т.П.* Традиционное хозяйство и материальная культура ороков (XVIII – первая половина XX в.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 8.

⁸ Численность и состав народностей Севера, проживающих в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1991. С. 2.

⁹ *Кузнецов А.И.* Указ. раб. С. 42.

¹⁰ *Смоляк А.В.* Указ. раб. С. 38.

¹¹ Г.М. Василевич этот топоним (правда, в иной огласовке – *дзер*) отмечала в родовом составе сахалинских эвенков со ссылкой на материалы переписи 1897 г. См.: *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки. Л., 1969. С. 267.

¹² «Знамя труда» (общественно-политическая газета Ногликского р-на). 1999. № 82. 16 сент.

¹³ *Васильев Б.А.* Указ. раб. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ *Роон Т.П.* Традиционное хозяйство и материальная культура ороков. С. 12–13. В отличие от текста автореферата в монографии эта информация была приведена подробно со ссылкой на словарь Дзиро Икегами (см.: *Роон Т.П.* Уйльта Сахалина. С. 76).

¹⁶ «Знамя труда». № 82; там же. 1999. № 83. 20 окт.

¹⁷ *Высоков М.С.* К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина // *Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск)*. 1995. № 1. С. 82.

¹⁸ Как выяснилось накануне сдачи статьи в журнал, огромный словарь «орокского языка» и уникальная коллекция фольклорных записей уже не одно десятилетие лежат в архиве семьи Сем в Санкт-Петербурге (устное сообщение Т.А. Сем. 5 дек. 1999 г.). С 1999 г. «язык ороков» начали преподавать на факультете народов Севера в Университете им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге.

The article is devoted to the problems of live activity of the Uilta – one of the aboriginal not numerous peoples of the Extreme North and Siberia living in Sakhalin in two rather compact groups. In the October 1999 field research the authors studied the Uilta's economy, the degree of preservation of traditional pursuits and crafts among them, their use of traditional and modern items of clothing in daily life, as well as their contemporary funeral rites, language and the like.

The article presents results of that research and throws light on some themes concerning modern socioeconomic problems and contemporary state of the traditional culture of the Uilta.

© 2000 г., ЭО, № 3

О.Ю. Артемова, М.Л. Бутовская

ДЕТИ КАЛМЫКИИ: ТРУДЫ И ИГРЫ

Эта статья отражает очередные результаты многолетней работы нашей исследовательской группы (М.Л. Бутовская – руководитель, О.Ю. Артемова, Э.Б. Гучинова, А.Г. Козинцев, И.В. Скиба) по изучению формирования полоролевой идентичности у младших школьников в различных городах и селах Российской Федерации. Более ранние наши наблюдения были опубликованы год назад в статье М.Л. Бутовской, О.Ю. Артемовой и О.И. Арсениной «Полоролевые стереотипы у детей Центральной России»¹. Теперь предлагаемая вниманию читателя публикация посвящена преимущественно калмыцким детям. Работа с ними велась по методике, которая была охарактеризована в предыдущей публикации, поэтому здесь мы уже не останавливаемся на особенностях нашей исследовательской процедуры. Во многом мы использовали те же, что и раньше, сравнительные материалы из отечественной и зарубежной литературы по этнологии и психологии детства, их мы также повторно не цитируем. Порядок изложения полевых данных и выводов, избранный в предыдущей статье, в основном сохранен и в этой. В некоторых разделах статьи и в выводах привлекаются для сравнения данные, полученные в русских школах на более ранних этапах работы.

Общие сведения об экспедициях. Мы совершили две экспедиции в Калмыкию – весной 1996 и весной 1997 гг. В первый раз мы работали в Элисте с учениками двух классов прогимназии № 1, в которой преподавание велось в основном на калмыцком языке, хотя все дети происходили из русскоязычных семей. Это было в некотором смысле элитарное и экспериментальное учебное заведение, дети зачислялись в него по предварительному отбору – они должны были уметь читать и отвечать на вопросы, определяющие общий уровень развития. И это были в основном дети образованных и неплохо обеспеченных родителей. Утром с детьми занималась молодая преподавательница, которую дети именовали «бакши» – учитель. Днем к ним приходила пожилая воспитательница, которую они звали «эйджи» – бабушка. Обе разговаривали с детьми по-калмыцки не только на уроках, но и в быту.

Во второй раз мы работали в 70 км от Элисты в пос. Ики-Чинос, жители которого в советское время входили в крупный животноводческий колхоз «Ленинский», а в период нашего пребывания уже не составляли хозяйственного единства. Родители наших детей частично занимались крестьянским трудом, частично были рабочими и служащими, а некоторые – и безработными. Многие из них испытывали значительные материальные трудности. Лишь отец одного мальчика имел конеководческое хозяйство, дела которого шли довольно успешно. Школа была рядовая сельская. Класс один и небольшой. Преподавание велось по-русски, а калмыцкий язык изучался на особых